

А.В. Каменец

«СКАЗКА – ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК...»

Социально-педагогический анализ
русского сказочного фольклора

Александр Владленович Каменец **«Сказка – ложь, да в ней** **намек...» Социально-** **педагогический анализ** **русского сказочного фольклора**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19425404

*«Сказка – ложь, да в ней намек...» Социально-педагогический анализ
русского сказочного фольклора: РГСУ; Москва; 2016*

ISBN 978-5-7139-1246-8

Аннотация

<p id="_GoBack">Книга предназначена для теоретических и практических занятий по таким дисциплинам, как «Основы социальной педагогики», «Технологии работы социального педагога», «Профессионально-этические основы социального работника, социального педагога и организатора работы с молодежью», «Социальные технологии работы с молодежью». Пособие может быть использовано в качестве психолого-педагогического практикума в рамках широкого спектра социальных и педагогических дисциплин, а также для занятий по общегуманитарным дисциплинам – философии, культурологии, социологии, педагогике, социальной психологии, этике и др.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, социальных работников, социальных педагогов, специалистов дошкольного образования, практикующих детских и семейных психологов и многих других специалистов.

Содержание

Предисловие	6
Введение	12
Раздел 1. «Социально-педагогическое содержание русских народных сказок»	17
1.1 Социально-педагогические проблемы социализации	17
1.1.1 «Емеля-дурак»	17
1.1.2 «Крошечка-Хаврошечка»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

А. В. Каменец
«Сказка – ложь, да в ней
намек...» Социально-
педагогический
анализ русского
сказочного фольклора

© Каменец А. В., 2016

© ООО «Квант Медиа», 2016

Предисловие

Данное пособие доктора культурологии, профессора А. В. Каменца «Сказка – ложь, да в ней намек...», безусловно, представляет собой открытие в научно-прикладном пространстве современной социальной педагогики. В чем оно состоит? Прежде всего, в демонстрации читателю удивительного по эстетическому содержанию и яркости красок «полотна» народной мудрости, потенциале многовекового опыта обращения к истокам русской культуры, нравственным ценностям наших предков.

Автор убедительно подчеркивает в своей работе состоятельность и перспективность научного знания социальной педагогики как формирующего образовательный и воспитательный комплекс – основы профессии «социальный педагог». На страницах книги представлен преобразующий смысл творческого использования ресурсов сказочного фольклора в самых различных областях жизнедеятельности людей.

Практика применения русских народных сказок для решения учебно-воспитательных и других задач, например, в школе, встречалась и ранее. Действительно, народные сказки широко используются в дошкольной и школьной, коррекционной и реабилитационной педагогике и т. д. Однако, как это следует из материала работы, данный вид народного твор-

чества рассматривается А. В. Каменцом в качестве средства совершенствования социальной природы индивида, его социализации. Фундаментальную роль в учебном пособии играют *социально-педагогические комментарии* автора. Каждая предлагаемая читателю сказка «впечатляет» своим глубоким анализом различных «бытийных» ситуаций, эмоциональных переживаний, энергией ответного добра её главных героев (Емеля, Крошечка-Хаврошечка, Колобок) и жизнеутверждающей силой.

Живой интерес вызывает разработанный и апробированный автором социально-педагогический практикум по материалам русских народных сказок. В данном случае, ученый показывает сущность и дидактику русских народных сказок как пространство игровых технологий, в том числе интерактивных технологий обсуждения с детьми социального содержания сказок. Несомненной нравственно-эстетической ценностью обладают театрализованные семинары по материалам русских народных сказок.

Одним из достоинств материала выступает глубокий научный анализ фундаментальных оснований русского сказочного фольклора, уточнение некоторых понятий, рассмотрение проблем возникновения и развития идей и практики творческого применения опыта народной философии. Заслуживает внимания осуществленный в труде анализ публикаций по выдвинутой теме.

Судя по содержанию работы, новизна материала заклю-

чается в попытке ученого обосновать теоретические и методологические основы процессов взаимодействия, взаимной поддержки, сотрудничества, общения между людьми – участниками совместной жизнедеятельности. Практическая значимость учебного пособия состоит в рассмотрении сущности и содержания дидактических характеристик народных сказок, а также в разработке целого ряда практических рекомендаций по организации и осуществлению социально-педагогического компонента фольклора в ходе обучения и воспитания школьников и студентов.

Книга, как это убедительно свидетельствует представленный материал, является объективно новым взглядом ученого на проблемы преобразования современного российского общества посредством совершенствования системы социальных отношений, укрепления взаимопонимания среди людей, утверждения толерантности. Приведенные суждения выстроены логично, интересно.

Сложность решения выдвинутой автором научной задачи, обусловленная на стратегическом уровне созданием нового облика общеобразовательного учреждения и вуза, связана с необходимостью устранения ряда существенных противоречий отечественного образования. Прежде всего, это проблемы обеспечения мотивации обучающихся к овладению учебной программой вуза, совершенствования навыков и умений реализации на практике способов, приемов и средств управления социальными процессами, формированием у бу-

дущих специалистов социальной сферы высокой профессиональной компетенции в вопросах повседневного проявления креативных качеств и свойств педагога-наставника, способного к творчеству, инициативе, партнерству.

Общение, по мысли А. В. Каменца выступает «логическим центром» совместного творческого овладения социальным педагогом и воспитанником преобразующей сути сказок. Принимая во внимание то, что концептуальные основы разработки проблем общения связаны с трудами В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, М. И. Бахтина, В. Н. Мясищева и других отечественных психологов и педагогов, автор рассматривает данное явление как важное условие развития человека и социума и успешно применяет его в технологических процедурах создания условий для приобретения детьми обновленного взгляда на прекрасное и безобразное в окружающем мире. С одной стороны, общение выдвигается автором в качестве основополагающей социальной потребности, без реализации которой замедляется формирование личности, а с другой – общение рассматривается как следствие взаимодействия человека и социокультурной среды сказочного фольклора. Поскольку индивид социален по своей природе, он постоянно испытывает потребность в общении с другими людьми, в нашем случае, с героями сказочных историй, образами добра и зла, что определяет потенциальную непрерывность такой работы души ребёнка и необ-

ходимость позитивного отношения детей к художественным ценностям народа.

Актуальность педагогического труда обусловлена и тем, что важным фактором формирования личности гражданина Отечества во многом предопределено наличие известных противоречий (и их разрешением) между возрастающими требованиями к уровню учебно-воспитательного процесса и профессиональными умениями учителя, педагога преподавать воспитаннику нравственный урок художественными средствами русской народной сказки. В контексте рассматриваемого феномена объективно выступает потребность современного социума и пространства образовательной деятельности в значительном повышении роли социально-педагогической составляющей фольклора. Важным концептуальным основанием изучения и интерпретации русских народных сказок является убеждение в том, что все то, что происходит в них, представляется вполне реальной моделью жизнедеятельности человека, и ребёнка, и взрослого. Таким образом, материал учебного пособия «Социальная педагогика русского сказочного фольклора» представляет собой уникальную в своём роде попытку создания методики и техники реализации образовательно-воспитательных возможностей художественных произведений русского сказочного фольклора в учебно-воспитательной работе.

Заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры социальная педагогика МГППУ,

доктор педагогических наук, доцент, член-
корреспондент Международной академии наук
педагогического образования.

Савин Ю. В.

Введение

Социальная педагогика является одной из «молодых» научных и учебных дисциплин. Ее состоятельность как особой профессии во многом связана с возможностью уточнения, углубления ее содержания и творческого использования интеллектуальных ресурсов из самых различных областей социального знания. Одним из таких ресурсов являются достижения народной педагогики, представленные в отечественном сказочном фольклоре.

Сама практика использования материала русских народных сказок для решения образовательных, исследовательских и практических задач не нова. Русские народные сказки широко используются в детской (особенно дошкольной) педагогике, психотерапии, в фольклористике, литературоведении и т. д. Вместе с тем, до настоящего времени этот вид народного творчества в должной мере не изучен в качестве «учебника жизни», адресованного самым различным возрастным и социальным группам, как опыт народной философии, имеющей не только языческие «корни», но являющегося внутренне связанным с христианской картиной мира.

В задачи учебного пособия не входит подробное рассмотрение этих связей и аспектов сказочного фольклора. В то же время они, так или иначе, затрагиваются в той мере, в какой это необходимо для анализа содержания русских народных

сказок в социально-педагогическом контексте.

Для более полного усвоения предлагаемого в пособии учебного материала необходимо разъяснить некоторые исходные концептуальные и методологические основания.

Первое заключается в том, что анализируемое содержание сказок рассматривается в более широком социально-педагогическом контексте, задающем внутреннюю логику и акценты в интерпретации этого содержания. Такая установка по отношению к сказочному фольклору является достаточно корректной даже с позиций классической герменевтики. Как указывает Х. Г. Гадамер, необходимо «помнить о собственной предвзятости, дабы текст проявился во всей его инаковости и тем самым получил возможность противопоставить свою фактическую истину нашим собственным пред-мнениям» [2, с. 321]. Таким «пред-мнением» в нашем случае являются социально-педагогические установки на текст сказок, которые позволяют выявить новое и актуальное содержание этого текста именно для социально-педагогического знания, в противном случае воспринимающегося как набор банальностей или нелепостей. Именно задаваемый контекст делает интерпретируемый текст информативным и эвристичным.

Другое основание для рассмотрения текста сказок как социально-педагогического заключается во внимательном восприятии предлагаемых в них ситуациях, образах, сюжетах как иносказания о скрытых в причудливости сказочного материала социально-педагогических смыслах и значениях.

Соответствующая расшифровка сказочных текстов может быть адекватной этим текстам при условии обращения к привычным, распространенным ассоциациям в восприятии предлагаемых сказочных аллегорий, персонажей, словосочетаний и т. д. Эти ассоциации помогают также более наглядно представить скрытую в сказочных сюжетах дидактику и «жизнестроительный» смысл. Например, вряд ли кто даже среди специалистов-исследователей сказочного фольклора будет возражать, что Лиса в русских народных сказках чаще всего должна ассоциироваться с хитростью, мошенничеством, наглостью, но не с простодушием, наивностью, честностью и т. д. То же самое можно отнести к ассоциативному восприятию отдельных сказочных ситуаций и положений. Например, «курица, несущая золотые яйца» ассоциируется с источником богатства («Курочка-Ряба»).

Следующим важным концептуальным основанием изучения и интерпретации русских народных сказок является допущение о том, что все, что происходит в сказках, не является случайным. Все сцепление отдельных эпизодов, сюжетных поворотов в сказках, их последовательность есть разворачивание общего назидательного смысла, который часто обозначается в самом начале сказки (в первом эпизоде, образе, ситуации и т. д.). Соответственно? здесь необходимо выйти к сказочному тексту как целому, по отношению к которому оценивается отдельный эпизод сказки и наоборот – через отдельные фрагменты сказки познается ее общий смысл

(«герменевтический круг»). Такой подход оправдан потому, что большинство сказок является законченным произведением, в котором, действительно, нет ничего лишнего и случайного. А это вполне согласуется и со следующим герменевтическим правилом – «соответствие всех частных целому суть критерий правильности понимания» [2, с.345].

Предложенные разделы пособия адекватны соответствующей проблематике социальной педагогики, разрабатываемой ведущими отечественными педагогами: В. Г. Бочаровой, Л. В. Мардахаевым, А. В. Мудриком, Ю. В. Савиным, В. С. Торохтием, М. В. Шакуровой и др. Соответственно, пособие может рассматриваться как учебное издание, которое может быть включено в учебные курсы по общей социальной педагогике, ее отдельным направлениям и областям. Анализ и комментирование актуальных социально-педагогических проблем составляет основное содержание предлагаемого учебного пособия.

И последнее предварительное замечание. В анализе русских народных сказок автор старался избегать клишированных однозначных этических оценок тех или иных персонажей в попытках ответа на вопрос: «Кто виноват?». Важнее было найти ответы на вопрос: «Что делать?» для того, чтобы избегать тех ситуаций, которые наносят вред персонажам и окружающему обществу. Русские народные сказки при вдумчивом к ним отношении являются настоящей социально-педагогической школой эффективного позитивно-

ГО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.

Раздел 1. «Социально-педагогическое содержание русских народных сказок»

1.1 Социально-педагогические проблемы социализации

1.1.1 «Емеля-дурак»

«Жили три брата, два-то умных, а третий дурак; умные братья поехали в нижние города товаров закупать и говорят дураку: «Ну смотри, дурак, слушай наших эсен и почитай так, как родных матерей, мы тебе купим сапоги красные, и кафтан красный, и рубаику красную». Дурак сказал им: «Ладно, буду почитать». Они отдали дураку приказание, а сами поехали в нижние города; а дурак лег на печь и лежит. Невестки говорят ему: «Что же ты дурак! Братья велели тебе нас почитать и за это хотели тебе по подарку привезть, а ты на печи лежишь, ничего не работаешь; сходи хоть за водой». Дурак взял ведра и пошел за водой; зачерпнул воды, и попала ему щука в ведро. Дурак и говорит:

«Слава богу! Теперь я наварю хоть этой щуки, сам наемся, а невесткам не дам; я на них сердит!» Говорит ему щука человеческим голосом: «Не ешь, дурак, меня; пусти опять в воду, счастлив будешь!» Дурак спрашивает: «Какое ж от тебя счастье?» — «А вот какое счастье: что скажешь, то и будет! Вот скажи: по щучьему веленью, по моему прошенью ступайте, ведра, сами домой и поставьтесь на место». Как только дурак сказал это, ведра тотчас пошли сами домой и поставились на место. Невестки глядят и дивуются. «Что он за дурак!» — говорят. — Вишь какой хитрый, что у него ведра сами домой пришли и поставились на свое место».

Дурак пришел и лег на печку; невестки стали опять говорить ему: «Что ж ты, дурак, улегся на печку! Дров нет, ступай за дровами». Дурак взял два топора, сел в сани, лошади не запряг. «По щучьему, — говорит, — веленью, по моему прошенью катитесь, сани, в лес!» Сани покатались скоро да шибко, словно кто погоняет их. Надо было дураку ехать мимо города, и он без лошади столько придавил народу, что ужас! Тут все закричали: «Держи его! Лови его! — однако не поймали. Дурак въехал в лес, вышел из саней, сел на колодину и сказал: «Один топор руби с корня, другой — дрова коли!» Вот дрова нарубились и наклались в сани. Дурак говорит: Ну, один топор, теперь поди и сруби мне кукову, чтоб было чем носило поднять». Топор пошел и срубил ему кукову; кукова пришла на воз легла. Дурак сел и поехал; едет мимо города, а в городе народ собрался, давно его караулит. Тут ду-

рака поймали начали одерживать да пощипывать; дурак и говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью ступай, кукова, похлопочи-ка!» Вскочила кукова и пошла ломать, колотить и прибила народу многое множество; люди, словно снопы, так наземь и сыплются! Отделался от них дурак и приехал домой, дрова сложил, а сам на печь сел.

Вот горожане стали бить на него челом и донесли королю: «Такде не взять, надобно обманом залучить, а всего лучше обещать ему красную рубаху, красный кафтан и красные сапоги». Пришли за дураком королевские гонцы. «Ступай, – говорят, – к королю; Он тебе даст красные сапоги, красный кафтан и красную рубаху». Вот дурак и сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью, печка, ступай к королю!» Король уж хотел казнить его, да у того короля была дочь, и больно понравился ей дурак; стала она отца просить, чтобы отдал ее за дурака замуж. Отец рассердился, обвенчал их и велел посадить обоих в бочку, бочку засмолить и пустить на воду. Так и сделано.

Долгое время плыла бочка по морю; стала жена дурака просить: «Сделай так, чтобы нас на берег выкинуло». Дурак сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью – выкинь эту бочку на берег и разорви ее!» Вышли они из бочки; жена опять стала дурака просить, чтобы построил какую-нибудь избушку. Дурак сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью – постройся мраморный дворец, и чтобы этот дворец был как раз напротив королевского дворца!» Сейчас

все исполнилось; король увидел поутру новый дворец и послал узнать, кто такой живет в нем? Как только узнал, что там живет его дочь, в ту же минуту потребовал ее с мужем к себе. Они приехали; король их простил, и стали вместе жить-поживать да добра наживать».

Социально-педагогический комментарий. Образ дурака достаточно распространен в русском сказочном фольклоре, а эта сказка является одной из самых устойчивых версий данного образа. Здесь, как и в других сказках, слово «дурак» употребляется без кавычек. Емеля-дурак не претендует на какую-то особую хитрость, лукавство, подтекст. Но подтекст все же возникает из самих ситуаций, описываемых в сказке. Уже в начале сказки Емеля прельщается возможностью приобрести «сапоги красные, и кафтан красный, и рубашку красную». И только при этом условии он согласен «почитать» невесток – жен братьев. Здесь напрашивается поговорка «По одежке встречают – по уму провожают». Емеля хотел бы быть принятым окружающими «по одежке», чтобы изменить к себе отношение окружающих. Но здесь сразу же возникает в сказке и свой лукавый подтекст: даже будучи дураком, можно надеяться на изменение отношения к себе окружающих – «главное, чтобы костюмчик сидел». Внешняя форма соответствия ожиданиям окружающих создает ситуацию псевдосоциализации через внешний вид, приличия и т. д.

Под давлением невесток Емеля решается пойти за водой.

Но уже здесь мы видим его подлинное отношение к невесткам. Он рассчитывает, поймав щуку, утолить свой голод, не угощая невесток, поскольку он на них обижен. Внутренняя обида Емели есть уже начало будущей разворачивающейся конфликтности героя со своим окружением. Видя пренебрежительное отношение к себе, Емеля начинает выстраивать собственную жизненную программу, оставаясь героем-одиночкой.

Он жалеет щуку, олицетворяющую собой хищность и алчность, но заговорившую с ним «человеческим голосом» в отличие от окружающих родственников. Через акт милосердия, пусть даже и не лишённого расчетливости, Емеля общается к могущественным силам помощи, перед которыми не может устоять никто из людей.

Щука предлагает Емеле сразу же испытать на себе ее могущество, и ведра сами идут домой. Таким образом, Емеля тут же получает положительное подкрепление своему доброму делу. Это важный механизм социализации, который часто недооценивается в педагогической практике.

В сказке, на первый взгляд, торжествует лень и желание получить даром, без особых усилий, те или иные блага. Именно за такое поведение порицаются многие персонажи русских народных сказок, развивающих тему «дурака». Глупость, таким образом, идет рядом с ленью и эти качества иногда экстраполируют на весь русский народ. Но это чрезвычайно поверхностный взгляд. Емеля только то-

гда прилагает усилия, когда реально видит необходимость такого труда, включая собственную личную заинтересованность («красный кафтан»). Он не склонен также проявлять рвение при пренебрежительном отношении к себе. Для него предмет его собственных усилий связан также с сохранением или защитой чьей-то жизни. Это позиция свободного человека-гуманиста, не желающего быть рабом, исполняющим бездумно чьи-то указания. В этом и состоит социализирующее значение труда. Соответственно, те, кто предъявляют претензии к тем или иным членам общества как к ленивым и нерадивым, должны задаться вопросом: «А что они сами сделали хорошего тем людям, которых они обязывают трудиться?» Бессловесный, рабский труд может еще больше отуплять и унижать человека, чем ленивое и беспечное существование.

Существование же Емели нельзя назвать беспечным. Печь является любимым местом его пребывания и это свидетельствует о его укорененности в домашнем быте, ощущении своего дома, даже если ему приходится перемещаться во внедомашнем пространстве (двигающаяся печь). И это также является важным компонентом социализированности этого персонажа.

Энергия ответного добра, полученная Емелей от шуки, оказывается настолько значительной, что все, кто попадает на ее пути (движение Емелиных саней), терпят физический ущерб, поскольку отторгают Емелю как полноценного чле-

на общества. Поэтому не стоит мешать вольно или невольно движению того, кто воодушевлен и движим энергией, полученной от благодарности и человеколюбия, которые и есть высшее проявление человеческого разума. Так можно проинтерпретировать движение Емелиных саней.

Емеля попадает в орбиту властей (короля), прельстившись обещанием получить в дар красивую одежду. Для него в служении властям важны не какие-то материальные блага, а скорее эстетические и привлекательные для окружающих свойства. При этом не важна одежда как знак какого-либо служения (мундир), как знак отнесения себя к определенному социальному статусу. Емеля, проявляя внутреннюю независимость, живет в мире собственных социальных, нравственных и эстетических оценок, не вникая в значимость содержания активности, навязываемой враждебным окружением.

Неожиданный поворот в судьбе Емели происходит благодаря любви к нему королевской дочери. Если до этого Емеля пользовался результатами благодарности и человеколюбия шуки, то теперь в его жизнь вошла любовь, во имя которой приходится жертвовать свободой и жизнью. Характерно, что Емеля и здесь благодаря внутренней независимости от давления внешнего зла не испытывает до поры до времени неудобства от физической изоляции, поскольку он внутренне свободен. Но именно благодарность шуки и любовь супруги освобождают его от физического заключения и приво-

дят к счастливому финалу. В сказке выражается, таким образом, твердая вера в то, что даже самое незаметное доброе дело в сочетании с чувством собственного достоинства способны обеспечить человеку в конечном счете выход из самых трудных жизненных ситуаций. Такой вывод можно оценивать и как стратегический путь полноценной социализации личности.

1.1.2 «Крошечка-Хаврошечка»

«Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работой каждый день занудили, заморочили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает,

как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка, меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатаать. А коровушка ей в ответ:

— Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатоано. Отнесет к мачехе, та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядишь, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

— Спи глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатила; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее страшные сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.